

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи Француженка

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172814

Ведьма: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-20104-4

Содержание

4

Надежда Тэффи

Француженка

* * *

– Барышня, пожалуйста заниматься! Мамзель пришли. – Барышня собирала книжки и тетрадки и шла в классную комнату.

Все равно какая барышня – маленькая, большая, веселая, забитая, красивая, дурнушка, – их так много прошло через длинную жизнь мадмуазель Бажу, что она давно всех их спутала и перестала отличать одну от другой.

Уже много лет назад, заметив, что постоянно смешивает имена своих учениц, мадмуазель Бажу стала просто называть их «дитя мое» – mon enfant, – и дело пошло гладко.

Остальное все было одинаково. Та же грамматика, тот же перевод из Марго.

– Les genoux du chameau sont tres flexibles. – «Колени верблюда очень гибки», – диктует мадмуазель Бажу.

Так диктовала она и двадцать, и тридцать, и сорок лет назад... И так же Наденька, или Варенька, или Леночка забывала ставить «х» на конце «genoux» или «е» в слове «chameau».

Близко проходила огромная жизнь, события мировой или индивидуальной важности: эпидемии, войны, восстания, че-

ловеческая любовь с ее трагедиями, тоской и счастьем, – мадмуазель Бажу не замечала ничего.

Правда, когда в каком-нибудь доме говорили об ужасах войны, она делала испуганно-круглые глаза и скорбно сжимала рот. Но все это было нечестно, притворно, из простой вежливости.

Война, эпидемия, жизнь – это все неважно и несерьезно. Это все пестрит, рябит, мелькает быстро. Обернешься – и нет, и опять новое, и снова уйдет.

Остается всегда только одно:

«Колени верблюда очень гибки».

Это непреходяще. Это вечно, незыблемо и абсолютно. Это – наука.

Иногда встречает она на улице какую-нибудь из бывших учениц – даму с мужем, с детьми:

– Мадмуазель Бажу! Вы все такая же. А вот это мои дети.

Видите, какие большие.

Мадмуазель улыбается большим детям и потом долго старается вспомнить, кем была прежде эта дама: плаксой ли Катенькой, или злой Варенькой, нарочно разбившей чернильницу?

Вышла замуж, счастлива, а может быть, несчастлива. Кажется, это у нее кто-то умер или родился?..

Мелькает все это, рябит, пестрит. Несерьезно.

– Пишите, дитя мое: «Колени верблюда очень гибки».

Но один раз жизнь захватила ее. И вот с тех пор трясется

у нее голова как-то смешно, боком, словно мадмуазель Бажу все время не одобряет чего-то, с чем-то несогласна.

Земных привязанностей было у нее только две: кошка Жоли и мадам Поль.

Кошка была старое, неблагодарное и безобразное животное. Вся кожа висела на ней, болталась мешком на брюхе, и, положив ей руку на спину, можно было чувствовать, как кости шевелятся отдельно от мяса.

Расслоилась вся кошка от старости и развалилась на составные части.

Несмотря на все свое убожество, кошка всю жизнь презирала мадмуазель Бажу и так, презираючи, и околела.

Чувствуя приближение конца, она вдруг вылезла за окно и пошла по соседней крыше.

Мадмуазель Бажу с отчаянным воплем поползла за ней.

– Ты упадешь, Жоли! Жоли, у тебя закружится голова!

Она плакала и ползла по крыше, и только радостные возгласы гогочущих внизу дворников заставили ее опомниться и полезть назад через окно в комнату.

А Жоли спустилась на соседний двор и околела. Она презирала мадмуазель Бажу.

Мадам Поль была старой отставной гувернанткой и много лет жила в одной комнате с Бажу.

Нрава она была строптивого, сварливого; про каждого знала что-нибудь скверное и критиковала даже учебник Марго. Знала разные ученые вещи, о которых ее сожитель-

нице и во сне не снилось. Каждое утро выходила на лестницу вытряхать гусиным крылышком из старой вязаной юбки вредных бактерий, когда шла на улицу, затыкала обе ноздри гигроскопической ватой, чтобы не напрыгали в нос опасные микробы.

С мадмуазель Бажу обращалась она, как с проказливой девчонкой. Распекала, журила, донимала. И вдруг неожиданно умерла от холеры.

Мадмуазель Бажу долго не понимала, в чем дело. Не понимала, что если человек умер, то уж навсегда, и все торопилась попасть вовремя домой, чтобы мадам Поль не сердилась.

Потом поняла.

И вот тогда единственный раз за всю свою преподавательскую деятельность восстал дух ее против Марго, против незыблемых и вечных законов, загорелась душа, задрожали новые, неведомые ей струны, и вместо коленей верблюда продиктовала мадмуазель Бажу свое, от своего духа рожденное слово:

– *Le cholera est tres malsain.* – «Холера очень вредна». – *Tres malsain.*

Она хотела сказать еще что-то, но вдруг почувствовала себя одинокой, беспомощной и потерянной, преступившей законы и пределы. Она остановилась, ужаснулась и горько заплакала. И в первый раз ушла, не закончив урока.

Два дня сидела она дома, думала о смерти, о старости и

купила себе рыжий паричок.

Он очень не шел к ней, этот паричок. Лицо у нее было круглое, добродушное, с красными старушечьими жилками на щеках, глазки маленькие, доверчивые. Парик жил сам по себе своей жизнью, иногда лихо сползал на затылок, иногда ухарски загибался набок. У висков всегда выбивались из-под него тонкие седые волосики, но он не унывал и на это обстоятельство не обращал ни малейшего внимания.

На учениц и их родителей парик произвел самое удручающее впечатление.

– Она рехнулась на старости лет.

Умный доктор, друг семьи, сказал серьезно, сдвинув брови:

– Ничего. Это у нее эротическое помешательство. Это бывает со старыми девами в ее возрасте.

Прислуга весело фыркала.

От двух мест мадмуазель Бажу отказали без объяснения причин.

За уроком девочка Кавочка в присутствии матери вдруг затынула-задроздила:

– А у Бажу седые волосы торчат – все равно парик не помогает.

Мать девочки покраснела:

– Кавочка, уйди на минутку, мне надо поговорить с мадмуазель.

Девочка вышла.

– Мадмуазель Бажу... вы меня извините, я ведь к вам очень хорошо отношусь... только зачем вы это – делаете... это парик? Вы ведь уже пожилая, к чему это?

К ее удивлению, мадмуазель Бажу совсем не сконфузилась. Она подняла свои маленькие доверчивые глазки и сказала:

– Нет, мадам, я не пожилая.

Мать девочки смутилась и даже испугалась.

– Ради бога, не обижайтесь на меня. Конечно, каждый имеет право причесываться, как хочет, но, понимаете, пример для детей... Ведь вы же знаете сами, сколько вам лет...

Но мадмуазель Бажу, опять не опуская глаз, повторила:

– Я не пожилая. Уверяю вас, что я не пожилая. Я очень-очень старая женщина. Этот паричок меня молодит, а я очень-очень старая. Если я не буду носить парика, все сразу поймут, какая я старая, и не дадут мне ни одного урока. Может быть, он очень смешной, мой паричок, но без него у меня не будет хлеба. Je n'aurai pas de pain, madame!¹

Она ласково смотрела своими маленькими доверчивыми глазками. Ласково и просто. Чего же тут? У нее спросили – она объяснила.

– Ну, дитя мое, теперь за работу. Пишите: «Les genoux du chameau sont tres flexibles». – «Колени верблюда очень гибки»...

¹ У меня не будет хлеба, мадам! (фр.)